

Время словно летело, подобно бегущему белюю сквозь щель, и мгновенно пронеслось. Вскоре настал день, когда Учение Чжань должно было провести великое собрание.

В этот день весь Дворец Юйсюй был окутан атмосферой хлопот: слуги сновали туда-сюда с суетливыми шагами, упорядоченно выполняя всевозможные подготовительные работы.

Одни подмещали внутренний двор, вычищая каждый уголок до безупречной чистоты;

другие украшали главное святилище, расставляя изысканные магические орудия и драгоценные духовные сокровища, отчего всё святилище казалось ещё более торжественным и строгим.

Ученики Учения Чжань в перерывах между хлопотами не забывали перекинуться парами слов с дружественными им товарищами по дао.

Они сбивались в небольшие группы по три-четыре человека — кто-то стоял посреди двора, а кто-то сидел под галереей, делясь опытом совершенствования и забавными историями. Их радостный смех и говор эхом разносились по Дворцу Юйсюй, добавляя немного непринужденности в эту напряженную обстановку.

В то же время многие великие мудрецы Хунхуана один за другим прибывали со всех сторон. На какое-то время небо перед Дворцом Юйсюй засияло всполохами света, а блеск магических сокровищ переливался и отражался друг в друге — поистине оживленное зрелище.

Эти великие мудрецы либо в одиночку управляли благоприятными облаками, либо восседали на диковинных божественных зверях, и каждое прибытие привлекало всеобщее внимание.

Пань Сюань же тихо стоял рядом с Юань-ши Тянь-цзунем, вместе с ним ожидая во Дворце Юйсюй тех великих мудрецов Хунхуана, которые были ближе к Юань-ши Тянь-цзуню.

Хотя в сердце Пань Сюаня таилось легкое волнение, куда больше было предвкушения этого грандиозного события.

Быстрее всех, разумеется, прибыли Тай-шан Лао-цзюнь и Цзю-тянь Цзяо-чжу, находившиеся с ним на одной Горе Куньлунь.

Стоило промелькнуть двум лучам света, как они оба уже появились у входа в святилище.

Цзю-тянь Цзяо-чжу обладал самым буйным и прямым нравом. Не успел он еще полностью войти в зал, как его звучный голос уже прокатился раскатом колокола:

— Второй брат, ну-ка быстрее подзови племянника, чтобы я хорошенько на него взглянул! Это

ведь не просто твой сын, это еще и преемник Трех Чистых!

В его голосе звучали крайняя нетерпение и восторг, словно он уже не мог дожидаться встречи с Пань Сюанем.

Увидев прибытие своего старшего брата и третьего младшего брата, Юань-ши Тянь-цзунь тут же расплылся в радостной улыбке и поспешно обратился к Пань Сюаню:

— Чего же ты стоишь, иди скорее поприветствуй своего старшего дядю и третьего дядю.

В его словах сквозили немалая доля отеческой нежности и ожиданий.

Стоявший перед Юань-ши Тянь-цзунем Пань Сюань, услышав это, быстро и почтительно шагнул вперед и отвесил глубокий поклон Тай-шан Лао-цзюню и Цзюнь-тянь Цзяо-чжу.

Пань Сюань держался прямо, его движения были плавными и всецело выказывали скромность и почтение.

Совершив поклон, Пань Сюань поднял голову и звонким, отчетливым голосом произнес:

— Племянник Пань Сюань приветствует старшего дядю и третьего дядю.

В его взгляде читалось глубокое уважение к обоим старшим.

Лао-цзы, увидев, как племянник подходит с поклоном, одарил его мягкой улыбкой, с отеческой лаской похлопал Пань Сюаня по голове и сказал:

— Хороший мальчик, впредь, как выдастся свободное время, почаще заглядывай во Дворец Бацзин, старший дядя обучит тебя искусству алхимии.

Его голос был мягким и размеренным, отчего слушающим казалось, будто они овеяны весенним ветерком.

В его глазах Пань Сюань был словно собственный родной ребенок, переполненный для него любовью и заботой.

А Цзюнь-тянь Цзяо-чжу, не любивший формальностей, сделал широкий шаг вперед, тяжело хлопнул Пань Сюаня по плечу и громко произнес:

— Молодчина, парень! Физическая закалка на высоте! Если будет время, можешь наведываться и в мой Дворец Бию, третий дядя обучит тебя высшему искусству владения

мечом.

В его глазах мелькал одобрителный блеск, он чрезвычайно высоко ценил телесную силу Пань Сюаня.

По мнению Цзю-тянь Цзяо-чжу, Пань Сюань обладал одаренностью от природы, был редким и превосходным ростком, да к тому же его собственным родным племянником, поэтому, если тот действительно вознамерится постигать путь меча, он непременно передаст ему все свои тайные искусства без утайки.

Увидев это, Пань Сюань преисполнился благодарности и мог лишь то и дело согласно кивать.

Однако помимо этой благодарности он невольно подумал про себя с легким вздохом:

Иметь за спиной опору — великое дело. То, чего другие не могут добиться за всю жизнь, ему достается без малейших усилий.

Вскоре Пань Сюань вместе с Юань-ши Тянь-цзунем принимал во Дворце Юйсюй великих мудрецов Хунхуана, поддерживавших с ним тесные отношения.

Не прошло и много времени, как настал час начала столь ожидаемого собрания Учения Чжань.

Все приглашенные гости уже чинно заняли свои места согласно рангу. В просторном зале лица присутствующих были самыми разными, но все они таили в себе долю предвкушения.

Облаченный в даосские одежды Юань-ши Тянь-цзунь, вокруг которого струились следы Дао, не спеша направился к главному седалищу в самом центре зала и медленно опустился на него, являя собой всю статью главы учения.

Справа от него сидел седовласый и румяный Лао-цзы с перьевой метелкой в руке, чей безмятежный вид источал отрешенный от мирской суеты дух;

слева сидел Цзю-тянь Цзяо-чжу в черных одеждах, с суровым выражением лица, чей взгляд сквозил пронизательностью и властью, а рядом с ним плечом к плечу восседала Святая Нюйва с милосердным ликом и кротким нравом — оба они обладали колоссальной аурой.

Пань Сюань же прямо и неподвижно стоял за спиной Юань-ши Тянь-цзуня, в его взгляде читались следы волнения и трепета. Он тихо стоял там, и его собственная аура постепенно сливалась с атмосферой этого грандиозного события.

Увидев, что все святые заняли свои места, присутствовавшие внизу люди в мгновение ока разом умолкли. Все затаили дыхание, а их взгляды сосредоточились на Юань-ши Тянь-цзуне в

ожидании его слова.

Заметив, что в зале воцарилась тишина, Юань-ши Тянь-цзунь слегка кивнул, обвел всех неторопливым взглядом и звучным, подобным колоколу голосом медленно произнес:

— Сегодня мы созываем собрание Учения Чжань во-первых для того, чтобы объявить всему Хунхуану: Пань Сюань — это дитя меня, Юань-ши;

во-вторых, отныне Пань Сюань является святым сыном моего Учения Чжань, и в пределах Учения Чжань видеть его — всё равно что видеть меня;

и в-третьих, дабы отпраздновать обретение потомка мной, Юань-ши Тянь-цзунем. По окончании пиршества я, Юань-ши, буду проповедовать Дао в течение ста лет, и всякий имеющий кармическую связь сможет услышать это.

Услышав слова Юань-ши Тянь-цзуна, люди сначала замерли на мгновение, а затем разразились бурной волной ликования.

В тот же миг хвалебные возгласы зазвучали один за другим, все наперебой поздравляли Пань Сюаня, чувствуя его восхождение в ранг святого сына Учения Чжань.

Эти звуки напоминали мощный прибой, накатывавший волна за волной и не стихавший ни на миг.

— Поздравляю младшего брата Пань Сюаня со вступлением в должность святого сына Учения Чжань! В будущем под предводительством святого сына мы непременно прославим наше Учение Чжань на весь мир! — громко произнес один из учеников Учения Чжань, чье лицо светилось завистью и радостью.

— Верно! Младший брат Пань Сюань наделен глубочайшей благой судьбой и удостоился столь высокой чести, под началом учителя в грядущем он несомненно достигнет ступени святого! — вторил ему другой ученик.

Следом за этим все собравшиеся дружно пали ниц перед Юань-ши Тянь-цзунем, громко восклицая:

— Благодарим Тянь-цзуна за великую милость!

Их голоса были полны благоговения и признательности, и каждое слово дышало глубочайшим почтением к Юань-ши Тянь-цзуню.

В этом мире Хунхуан проповедь Дао в исполнении святого была величайшей, несравненной

возможностью.

Для множества практиков это виделось маяком света во тьме, превосходным шансом прорвать границы собственного уровня и постичь Великое Дао Небес и Земли.

Ученики Учения Чжань, что повседневно усердно совершенствовались под началом Юань-ши Тянь-цзуня, жаждали получить более глубокие наставления во время проповеди; ученики Учения Цзе, пусть и принадлежавшие к иной школе, разделяли то же стремление к совершенствованию и, разумеется, не желали упускать столь редкий шанс;

а бродячие практики, в одиночку пробивавшиеся сквозь этот бескрайний Хунхуан, и вовсе считали проповедь святого заветным ориентиром, о котором лишь смели мечтать.

Потому каждый практик отчетливо понимал, что, упустив эту проповедь, он вполне может упустить важнейший качественный скачок на своем пути самосовершенствования.

Повсюду переплетались и эхом разносились звуки поздравлений и благодарностей, накатывая новыми волнами и не затихая ни на мгновение.

<http://bllate.org/book/20172/2009325>